

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА

Научная статья

УДК 930.85

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-3\(12\)-57-69](https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-3(12)-57-69)

Исторические науки

Михайло Михайлов: политическая мысль между Западом и Востоком

Иван Александрович Соболев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению и характеристике вклада сербского интеллектуального деятеля Михайло Михайлова в философскую мысль Восточной Европы. Ключевой чертой его философских воззрений стал антропоцентризм, противостоящий обеим конкурирующим идеологиям периода Холодной войны, предлагающий вернуться к концепции всеединства, свойственной русской философской школе в лице В. Соловьева. Статья показывает, что, в условиях политического противоборства коммунистической и капиталистической систем, для философских мыслителей оставался путь неприсоединения к идеологическим альянсам и сохранения своей самобытности в эпоху постнационализма. Актуальность обращения к философии М. Михайлова обусловлена также современным антагонизмом крупных внешнеполитических сил в Восточной Европе (НАТО и Россия).

Ключевые слова: сербская философия, русская философия, М. Михайлов, всеединство, Движение неприсоединения

Для цитирования: Соболев И.А. Михайло Михайлов: политическая мысль между Западом и Востоком. Россия: общество, политика, история. 2024. №3(12). С. 57-69.

HISTORICAL RETROSPECTIVE

Original article

Historical sciences

[https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-3\(12\)-57-69](https://doi.org/10.56654/ROPI-2024-3(12)-57-69)

Mihajlo Mihajlov: Political Thought between the West and the East

Ivan A. Sobolev

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to the identification and characterization of the contribution of the Serbian intellectual figure Mikhail Mikhailov to the philosophical thought of Eastern Europe. A key feature of his philosophical views was anthropocentrism, which opposes both competing ideologies of the Cold War period, suggesting a return to the concept of unity peculiar to the Russian philosophical school in the person of V. Solovyov. The article shows that, in the conditions of political confrontation between the communist and capitalist systems, the path of non-alignment to ideological alliances and preservation of their identity in the era of post-nationalism remained for philosophical thinkers. The relevance of the appeal to Mikhailov's philosophy is also due to the modern antagonism of major foreign policy forces in Eastern Europe (NATO and Russia).

Keywords: Serbian philosophy, Russian philosophy, M. Mikhailov, unity, Non-Aligned Movement

For citation: Sobolev, I.A. Mihajlo Mihajlov: Political Thought between the West and the East. Russia: Society, Politics, History. 2024. No. 3(12). pp. 57-69.

Введение

Во второй половине XX века направление развития политической философии как будто было предопределено контекстом масштабных исторических потрясений. Перед мыслителями стояла цель отразить неумолимые и кардинальные изменения, которые принесла Вторая мировая война, а затем и новый мировой порядок противостояния двух государств и политических идеологий: США и СССР, Запада и Востока, капитализма и социализма. Почти вся идейная жизнь периода Холодной войны по идеологическим причинам была облечена в формы дихотомий, «поделена надвое». Такое изменение формы мышления не могло не сказаться и на его содержании – оригинальной и новаторской науке и философии часто противостояли эпигоны и конъюнктуристы – как в восточных, так и в западных странах.

Но тем не менее, даже в этот период обостренного противостояния двух систем, в идейном пространстве формировались представления об особом, третьем пути. Так, в политической сфере они нашли воплощение в Движении неприсоединения, одним из главных учредителей которого была Югославия. В государстве, которое даже сугубо географически балансирует между Западной и Восточной Европой, не могли не появиться самобытные философские школы и отдельные мыслители. Одним из таких философов был Михайло Михайлов, выступавший с критикой как западной и советской систем, так и политики Югославии. На родине за его публичные высказывания против режима Иосипа Броз Тито ученый подвергся гонениям и пробыл в сумме семь лет в заключении.

После освобождения, уже будучи в эмиграции, М. Михайлов опубликовал свои главные работы, написанные ещё в Югославии, в том числе – сборник статей на русском языке «Планетарное сознание». Важным содержательным вектором его публицистики, в том числе – этого сборника, является критика теории и практики современного тоталитаризма. Данная статья посвящена характеристике учения М. Михайлова и интерпретации его идейной основы, которой для него выступала русская религиозная философия второй половины XIX — начала XX века.

Материалы и методы исследования

Источниковой базой статьи стали оригинальные философские трактаты М. Михайлова, его воспоминания, философские труды В.

Соловьева, хрестоматийные произведения К. Маркса и В.И. Ленина, К. Леонтьева. Методические подходы к исследованию первоисточников заключаются в применении принципов историзма, социокультурной теории, ретроспективного анализа.

Результаты исследования

Всеединство и национализм

В статье 1971 года «Дорога в тупик» М. Михайлов рассматривает чрезвычайно важную для послевоенной Европы проблему национализма. По сути, европейские государства оказались в безвыходной ситуации по отношению к национальным движениям. С одной стороны, после национал-социализма Третьего Рейха сам термин «национализм» приобрел ярко выраженные шовинистические коннотации, поэтому от него часто отказывались как от несущего риски для репутации политического движения. С другой стороны, здоровый национализм был естественной почвой, на которой должны были быть построены идеологические конструкции стран, пытавшихся отстоять свою независимость от чрезмерного влияния сверхдержав.

Особенно сильно это проявлялось в европейских государствах-членах Организации Варшавского договора: Чехословакии, Венгрии, Польши. Там национальные коммунистические партии, которые вели борьбу за собственную независимость, как отмечает М. Михайлов, получали поддержку со стороны всех национально-демократических движений и организаций (2, с. 63). Закономерным является впечатление, что возрождение национализма было позитивной силой, противостоящей политике СССР, которую сербский мыслитель считал во многом тоталитарной. В данном случае необходимо задать вопрос, так ли это на самом деле.

Для ответа на него М. Михайлов обращается к идеям русского религиозного философа Владимира Соловьева. Поэтому сперва стоит прояснить самые важные аспекты его учения. Соловьева вообще в историко-философской традиции принято называть первым системным русским философом. Его политический проект как верхушка или крона дерева напрямую произрастает из метафизического «ствола» его системы. В основе всей философии

Соловьева лежит понятие *всеединства*, которое получает политическое воплощение в статье «Русская идея», опубликованной еще в 1888 году.

Концепция всеединства, хотя и очень сильно нагруженная христианскими теологическими коннотациями, может быть правильно понята и в сугубо секулярном значении. Для Соловьева цель и смысл человеческого существования раскрывается только в общности – апогеем этого объединения должно стать все человечество в целом. У каждой нации как у части всего человечества, согласно Соловьеву, есть своя цель – «новое слово, которое этот новый народ скажет человечеству» (3, с. 220). История понимается как развитие одного организма, в котором народы выступают в качестве органов со своими уникальными свойствами. Однако в отличие от тела, которое неизбежно подчиняется естественным законам, «нации и индивиды суть существа моральные» (3, с. 220–221). Это значит, что развитие истории нельзя полностью предопределить и что народы способны свободно менять окружающую действительность.

Но как отмечает Соловьев, неизбежным следствием такой свободы оказывается и нарушение отдельными государствами долга перед всем человечеством. Немыслимо, чтобы один член восстал против другого, тем самым нарушив общую органическую целостность. Однако это совершенно не редкость для человеческой истории, в которой насильственные действия одних стран против других могут быть вызваны именно *национализмом*. При этом важно сказать, что Соловьев не противопоставляет национализму глобализм, сметающий этническое разнообразие в угоду политическому, религиозному или экономическому идеалу. Напротив, он пишет, что «национальные различия должны пребыть до конца веков; народы должны оставаться на деле обособленными членами вселенского организма» (3, с. 241).

Для Соловьева объединяющим фактором для всего человечества должна выступать христианская церковь, дающая людям внешнее (институциональное) и внутреннее (духовное) единство. На этом пункте он расходится с Михайловым как мыслителем уже пострелигиозной эпохи. На изначальный вопрос о пользе национальных движений Михайлов также однозначно отвечает отрицательно. Сербский философ подчеркивает, что национальные движения Чехословакии и Польши боролись за свободы слова, печати, политических организаций – права, в сущности, *интернациональные*.

«Чтобы победить ложь коммунизма, надо признать его правду», – цитирует Михайлов Соловьева (2, с. 63–64). И эта правда интернационализма заключается в том, что существует пласт реальности над национальными различиями, способный объединить людей разных народов. Но, как считает Михайлов, совершенно неверно коммунистическое притязание на классовый характер этой реальности. Такой универсальной, общечеловеческой идеей для Михайлова является идея *свободы*, которая позволяет преодолеть как национальные, так и классовые барьеры и стать основой для того, что Соловьев назвал бы всеединством. Но здесь возникает вопрос: как может воплотиться эта свобода в действительности? Каким образом в обществе могут быть разрешены классовые противоречия без нарушения свободы? Этим вопросам посвящена следующая статья Михайлова о самоуправлении.

Консерватизм против самоорганизации

Михайлов прямо заявляет, что возможность свободно управлять своей жизнью, без насилия со стороны диктатуры или бюрократии – это краеугольный камень и «конечный идеал гуманного, а тем более христианского общества» (2, с. 66). Философ обращает внимание, что социалистические движения и родной ему Югославии, и во Франции во время студенческих протестов 1968 года ставят во главу угла именно систему самоуправления трудящихся.

Однако понятие самоуправления как идеал общественного развития несет в себе, как отмечает Михайлов, некоторые неявные следствия. Логическое завершением и, можно сказать, апогеем самоуправления должно стать полное исчезновение государства. Сербский мыслитель подкрепляет свои слова ссылкой на главных коммунистических теоретиков: К. Маркса и В.И. Ленина. Они оба считали, что государство является порождением классового общества, которое возникло из-за экономического неравенства и частной собственности. Поэтому, когда «трудящиеся будут собственниками средств производства, на которых они работают, сами управлять заводами, планом, прибылью, капиталовложениями» (2, с. 67), полностью должна исчезнуть какая-либо необходимость в государстве и организованной политической жизни.

Этот идеал всеобщего самоуправления противопоставляется как классовой борьбе в капиталистических странах, так и монопольной власти партии в странах социалистических. Однако Михайлов считает такую идею не просто утопической, но вредной, открывающей дорогу для демагогических и тоталитарных движений. Поэтому, как пишет философ, необходимо произвести подробный анализ и критику «самоуправленческого социализма», поскольку его проблемы могут оказаться даже более трудноразрешимыми чем в уже установившихся социальных системах (2, с. 67).

Для Михайлова самоуправление не было пустым звуком или абстрактным понятием из статей теоретиков марксизма-ленинизма. Сербский мыслитель мог обратиться к двадцатилетней политике самоуправления, проводившейся в Югославии. И хотя, как отмечает сам Михайлов, контроль над средствами массовой информации и государственным аппаратом был у монопольной коммунистической партии, тем не менее, существовали области почти полного самоуправления. К таким он относил промышленность, культурную жизнь, научно-исследовательские институты и даже банковскую систему, где собственниками средств производства были сами трудящиеся. Сами работники предприятий могли выбирать себе управленческий аппарат и принимать ключевые решения в отношении зарплаты, производства и плана. В условиях относительно свободного рынка коллективные собственники могли конкурировать между собой.

Может показаться, что идеал общественного устройства получил свое воплощение, но это далеко от правды. И если мы посмотрим, как Михайлов объясняет неуспех самоуправления в Югославии, то увидим, что его размышления лежат в области консервативной политической мысли. На данном этапе исследования необходимо подробно остановиться на аргументах Михайлова, чтобы обнаружить их идейную основу в предшествующей политической философии.

Во-первых, пример Югославского социализма демонстрирует, что самоуправление само по себе совершенно необязательно устраняет возможность доминирования одной группы над другой. «Демагогия, коррупция, дезинформация, моральный террор возможны не только на уровне государства», – отмечает Михайлов (2, с. 68). Если бы человек всегда руководствовался разумным расчетом, то неумелые руководители передавали бы свои посты более способным работникам. В перспективе

это принесло бы коллективу больше выгоды, а значит, это было бы на руку и бесталанному руководителю. Но на практике бездарные управленцы будут бороться с конкурентами за свой пост, даже если это грозит банкротством всему предприятию, вместо того чтобы думать об общем благе. Таким образом, первый аргумент Михайлова можно назвать *антропологическим*, поскольку он обращается к *несовершенству человеческой природы*.

Во-вторых, проблема самоуправления заключается в неравномерном распределении способностей среди коллектива трудящихся. Для оценки грамотности принимаемых решений необходимы специализированные знания, которые есть не у всех. Михайлов понимает, что «роль руководителей общественных организмов <...> всегда будет требовать людей, имеющих врожденный талант к руководству» (2, с. 68). Тогда самоуправление будет заключаться в том, что коллектив будет *выбирать* такого руководителя, а там, где появляются выборы, следом неизбежно возникают разные мнения и группировки, то есть партии. Чем сложнее общественный организм, тем больше в нем проявляется потребность в разделении труда и управления. И для защиты многоуровневой системы самоуправления от оппортунизма жаждущих власти просто необходимо государство. Второй аргумент напрямую связан со *сложностью общественного устройства*.

И в таком ходе размышления Михайлова нетрудно увидеть влияние значимого философа, русского консерватора XIX века – Константина Леонтьева. Уже на уровне формы изложения своего учения Михайлов похож на Леонтьева, поскольку пользуется метафорой организма для описания общественного устройства. Для Леонтьева данный образ является ключевым, поскольку, по его мнению, исторический прогресс родственен биологической эволюции – оба процесса почти все время движутся от более простого к более сложному. Русский философ считал, что все общества неизбежно проходят стадии от юности к старости, или, его словами, от первичной простоты, через цветущую сложность ко вторичному смесительному упрощению (1, с. 196–197).

Для Леонтьева идея прогресса была искажена эгалитарными движениями. Последние видели развитие в воплощении *буржуазных* идеалов (в худшем значении этого слова): спокойствия, благосостояния, благополучия. Но Леонтьев видел в этом и негативную сторону

застоя, анти-прогресса, разрушающего культурные и национальные особенности, о сохранении которых не так сильно заботится мещанство. Напротив, те, кого ошибочно называют консерваторами и реакционерами, являются истинными поборниками прогресса, поскольку стремятся сохранить достижения цивилизационного развития, выраженные прежде всего в сложносочиненном вертикальном устройстве общества (1, с. 208).

Именно это положительное отношение к сложности и многообразности сближает русского и сербского мыслителей. Они оба положительно оценивали многоуровневое иерархическое устройство и отрицательно отзывались о насильном «уравнивании» как на уровне отдельного общества, так и во всемирном взаимодействии народов. Но если Леонтьев видел свой идеал скорее в абсолютной монархии, в которой структура замыкается «сверху», то для Михайлова иерархия выстраивается при помощи выборов «снизу», порождая сложную систему представительной демократии. При этом для обоих философов существование государства является необходимым условием для поддержания общественных отношений.

Михайлов подытоживает свои размышления о самоуправлении, обращаясь к другим общественным сферам помимо производственных предприятий, в которых остро проявляется нужда в государстве. Ограничение функций государства в области науки и культуры привело к сокращениям всевозможных фондов, обеспечивающих интеллектуальный труд, тогда как «коллективные собственники не особенно заинтересованы такой деятельностью, а частных капиталистических меценатов нет» (2, с. 69–70). Таким же образом высказывался Леонтьев, когда подчеркивал, что в истории искусств период расцвета часто совпадал с авторитарным правлением. Только сильные лидеры были способны покровительствовать творческому духу. Здесь можно привести много примеров: римское искусство времен Октавиана Августа, Флорентийское Возрождение при доминировании одной семьи Медичи, творчество Мильтона и Шекспира в эпоху абсолютной монархии Елизаветы I.

Выводы

Михайло Михайлов вошел в европейскую философскую школу как уникальный мыслитель. Ему всегда удавалось в Холодную войну, эпоху «мышления надвое», последовательно оставаться верным третьему пути критики режимов обеих сверхдержав. Но в то же время Михайлова едва ли можно назвать *спорадическим философом*, как это принято делать в истории философии по отношению к мыслителям, не имеющим ни учителей, ни последователей. Наоборот, опираясь на титанов русской философии XIX века, ему удалось создать учение, которое отвечало на остросоциальные вопросы его времени. Если бы он был просто очередным кабинетным мыслителем, способным лишь размышлять об обществе, но не менять его, едва ли он бы оказался под политическим гнетом режима Тито. В своем творчестве М. Михайлов во многом воплощал идеи христианской социал-демократии – идеологии, которую сегодня представляют крупные политические партии Старого и Нового света.

Список источников

1. Леонтьев К. Н. (1912), Византизм и Славянство [Byzantinism and Slavism]. Собрание сочинений в 9 томах. Том пятый. Восток, Россия и Славянство. М.: Издание В. М. Саблина.
2. Михайлов М. (1982), Планетарное сознание [Planetary Consciousness]. Ann Arbor: Ardis.
3. Соловьев В. С. (1989), Русская идея [Russian idea]. Сочинения в двух томах. Том второй. М.: Издательство «Правда».

References

1. Leontyev, K. N. (1912), Byzantinism and Slavism. Collected Writings in 9 volumes. Vol. 5. East, Russia and Slavism. Moscow: Izdaniye V. M. Sablina. (In Russian)
2. Mikhailov, M. (1982), Planetary Consciousness. Ann Arbor: Ardis. (In Russian)
3. Solovyev, V. S. (1989), Russian idea. Collected Works in 2 volumes. Vol. 2. Moscow: Izdatelstvo «Pravda». (In Russian)

Информация об авторе

СОБОЛЕВ Иван Александрович, студент, Факультет гуманитарных наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 04.10.2024. Одобрена после рецензирования: 17.10.2024. Принята к публикации: 21.10.2024. Опубликовано: 31.10.2024.

Информация о рецензировании

«Россия: общество, политика, история» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за вклад в рецензирование данной работы.

About the author

Ivan A. SOBOLEV, student, Faculty of Humanitarian sciences, Federal state autonomous educational institution "National Research University "Higher School of Economics", (NRU HSE), Moscow, Russian Federation.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares no conflicts of interest.

Article info

Submitted: 04.10.2024. Approved after peer review: 17.10.2024. Accepted for publication: 21.10.2024. Published: 31.10.2024.

Peer review info

«Russia: Society, Politics, History» thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work.